

ПЕРВЫЕ ПОЭТЫ ЗЕМЛИ

И. КАЦНЕЛЬСОН

Кандидат исторических наук

КОГДА А. С. Пушкин, вдохновленный известной одой Горация, писал пророческие слова: «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...», он, конечно, не мог подозревать, как, скорее всего, не подозревал и Гораций, что еще во второй половине II тысячелетия до н. э., в царствование фараона Рамсеса II, известный египетский писец запечатлел тростниковым пером на свитке папируса те же мысли и чувства:

Мудрые писцы...
Они не строили себе пирамид из меди
И надгробий из железа.
Они не знали, как передать свое наследство
Детям, сохранявшим их имена.
Но они оставили свое наследство в писаниях,
В поучениях, сделанных ими.

(«Похвала писцам»)

Восемнадцать веков отделяют Пушкина от Горация и, вероятно, столько же столетий лежит между Горацием и автором приведенных строк. Любопытно, что ода Горация: «Создан памятник мною. Он вековечнее меди, и пирамид выше он царственных» — во многих отношениях ближе к «Похвале писцам», чем к пушкинскому «Памятнику».

Это далеко не единственный случай, когда мотив, прозвучавший в древнеегипетской поэзии, находит отклик у позднейших поколений. Многие темы повторяют великие поэты-лирики Греции и Рима: Сафо, Анакреон, Феокрит, Катулл, Вергилий, Гораций,

Проперций, Овидий. Они будут восприняты трубадурами и минезингерами и от них перейдут к поэтам Возрождения.

Произведения древнеегипетской любовной лирики сохранились преимущественно в списках XIV—XII веков до н. э. Однако многообразие их форм, вполне отстоявшийся стиль, искусное построение, использование сложных литературных приемов, а иногда даже известная вычурность указывают на долгий предшествующий путь развития, скрытый, к сожалению, от наших глаз.

Характерное для древнего Египта отношение к женщине в полной мере отразилось в искусстве, и в частности в лирике. Египтянка всегда пользовалась большей самостоятельностью, чем женщины других древневосточных народов. Ее окружали почет и уважение. Достоинства ее превозносили, а красоту воспевали. О ней говорили как о «владычице дома». Египтяне высоко ценили семейное счастье. Отношения между мужем и женой были исполнены взаимной любви и нежности. Девушка могла свободно встречаться со своим избранником и даже признаваться в своих чувствах. Для нее он «брат», она для него — «сестра». Это, конечно, не означало, что они находились в родственных отношениях. Понятия «брат» и «сестра» получили новое содержание и стали означать «любимый» и «любимая» — так мы говорим близкому человеку «родной».

Среди древнеегипетских любовных песен есть несколько, очевидно, сложенных поэтессой, предшественницей Сафо. Это «Начальное слово великой подательницы радости» из папируса Честер Битти I. Ее речи перемежаются с репликами юноши, отличаясь от последних глубокой лиричностью и нежной одухотворенностью. Если цикл этих песен принадлежит одному автору, то следует признать, что он был не только превосходным стилистом, но и тонким психологом.

Сохранилось несколько образцов древнеегипетской философской лирики. Два из них — быть может, наиболее интересные — созданы в период, когда в стране обострились социальные противоречия, что привело к народному восстанию в середине XVIII века до н. э.

Авторы их по-разному отвечали на тревожащие их вопросы. Ответ, данный «Песнью из дома усопшего царя Антефа», довольно прост. Столетия спу-

стя его повторит библия, а затем он прозвучит во всей мировой литературе: все люди смертны, а потому

...празднуй прекрасный день

И не изнуряй себя.

Видишь, никто не взял с собой своего достоянья.
Видишь, никто из ушедших не вернулся обратно.

В другом произведении — «Диалоге разочарованного со своей душой» — слышна глубокая грусть, даже отчаяние, полное отвращения к окружающей действительности, к самому себе. Выход один: уход из жизни, самоубийство.

Совершенство формы, свежесть и непосредственность восприятия, высокая художественность образов, сочетающаяся с глубиной чувств, присущие лирическому творчеству древних египтян, могут и ныне доставить подлинное наслаждение любителю поэзии. Бесконечно далек от нас мир древних египтян. Но людей XX века не могут не волновать многие мысли и переживания, запечатленные в их произведениях, и особенно в их лирике — такой простой и человеческой. Тысячелетиями она оставалась забытой и лишь недавно воскресла для новой жизни. И мы можем с полным правом повторить вслед за безымянными создателями прекрасных творений далекой древности:

Они ушли,
Имена их исчезли вместе с ними,
Но писания заставляют
Вспомнить их.

В текущем году издательство «Художественная литература» выпускает сборник избранных произведений лирики древнего Египта в стихотворной обработке Анны Ахматовой и Веры Потаповой с иллюстрациями заслуженного деятеля искусств РСФСР Федора Константинова.

Здесь мы публикуем отрывки из этого сборника в переводах Анны Ахматовой, а также несколько гравюр Федора Константинова.

[ПЕСНЬ ИЗ ДОМА УСОПШЕГО ЦАРЯ АНТЕФА, НАЧЕРТАННАЯ ПЕРЕД ПЕВЦОМ С АРФОЙ]

(Дошла в двух списках
XIV века до н. э.: на
папирусе Харрис 500 и
на стенах гробницы, на-
ходящейся близ Мемфи-
са. Создана, очевидно, в
XXI веке до н. э.)

Процветает он, этот добрый властитель,
Прекрасный конец настиг его.
Одни поколения проходят,

а другие продолжают существовать
Со времен предков.
Боги, бывшие некогда,
Покоятся в своих пирамидах.
Благородные и славные люди
Тоже погребены в своих пирамидах.



Они строили дома —

Не сохранилось даже место, где они стояли.

Смотри, что случилось с ними.

Я слышал слова Имхотепа и Джедефгора*,

Слова, которые все повторяют.

А что с их гробницами?

Стены обрушились,

Не сохранилось даже место, где они стояли.

Словно никогда их и не было.

Никто еще не приходил оттуда,

Чтоб рассказать, что там,

Чтоб поведать, чего им нужно,

И наши сердца успокоить,

Пока мы сами не достигнем места,

Куда они удалились.

А потому утешь свое сердце,

Пусть твое сердце забудет

О приготовлениях к твоему просветлению.

Следуй желаньям сердца,

Пока ты существуешь.

Надуши свою голову миррой,

Облачись в лучшие ткани.

Умасти себя чудеснейшими благовоньями

Из жертв богам.

* Имхотеп и Джедефгор — прославленные мудрецы древности, жившие в первой половине III тысячелетия до н. э.



Умножай свое богатство,
Не давай обессилеть сердцу.
Следуй своим желаньям и себе на благо.
Свершай дела свои на земле
По велению своего сердца,
Пока к тебе не придет тот день оплакивания.
Утомленный сердцем не слышит криков и
воплей.

Причитания никого не спасают от могилы.
А потому празднуй прекрасный день
И не изнуряй себя.
Видишь, никто не взял с собой своего достоянья.
Видишь, никто из ушедших не вернулся обратно.

* * *

[ПОХВАЛА ПИСЦАМ]

(Папирус Честер Бит-
ти, около 1300 года
до н. э.)

Мудрые писцы
Времен преемников самих богов,
Предрекавшие будущее,
Их имена сохранятся навеки.
Они ушли, завершив свое время,
Позабыты все их близкие.

Они не строили себе пирамид из меди
И надгробий из железа.
Они не знали, как передать свое наследство
Детям, сохранявшим их имена.
Но они оставили свое наследство в писаниях,
В поучениях, сделанных ими.

Писания становились их жрецами,
А палетка* для письма — их сыном.
Их пирамиды — книги поучений,
Их дитя — тростниковое перо,
Их супруга — поверхность камня.
И большие и малые —
Все их дети,
Потому что писец — их глава.

Построены были двери и дома,
но они разрушились,
Жрецы заупокойных служб исчезли,
Их памятники покрылись грязью,
Гробницы их забыты.
Но имена их произносят, читая эти книги,
Написанные, пока они жили,
И память о том, кто написал их, —
Вечна.

Стань писцом, заключи это в своем сердце,
Чтобы имя твое стало таким же.
Книга лучше расписного надгробья
И прочной стены.
Написанное в книге
возводит дома и пирамиды в сердцах тех,
Кто повторяет имена писцов,
Чтобы на устах была истина.

Человек угасает, тело его становится прахом,
Все близкие его исчезают с земли,
Но писания заставляют вспоминать его
Устами тех, кто передает это в уста других.
Книга нужнее построенного дома,
Лучше гробниц на Западе**,
Лучше роскошного дворца,
Лучше памятника в храме...

Мудрецы, предрекавшие будущее,
Вышло так, как говорили их уста.
Это написано в их книгах,
Это существует в виде изречения.
Их наследники — дети разных людей,
Как будто все они — их собственные дети.

Они скрыли свое волшебство от людей,
Но их читают в наставлениях.
Они ушли,
Имена их исчезли вместе с ними,
Но писания заставляют
Вспомнить их.

* Палетка — письменный прибор, имеющий форму нашего пенала, где хранились тростниковые перья (каламы) и чернильницы.

** На Западе, по верованиям египтян, находилось царство мертвых.

[НУБИЙСКАЯ ЦАРЕВНА]

(Надпись на стеле, около 700 года до н. э.)

Сладостная, сладкая любовью,
говорит жрица Хатор * Мутирэис.
Сладостная, сладкая любовью,
говорит царь Менхеперра.
Госпожа, сладостная любовью, говорят мужчины.
Повелительница любви, говорят женщины.

Царская дочь, сладостная любовью,
Прекраснейшая из женщин,
Отроковица, подобной которой никогда не видели,
Волосы ее чернее мрака ночи.

Уста ее слаще
винограда и фиников.
Ее зубы выровнены лучше, чем зерна.
Они прямее и тверже
зарубок кремневого ножа.
Грудь ее стоят торчком на ее теле.

Перевела
Анна Ахматова

* Хатор — у древних египтян богиня любви, музыки, танцев, покровительница женщин.



ВОСТОЧНО-АФРИКАНСКИЕ

ЗАГАДКИ

Забрался в яму голышом, а вышел оттуда
в нарядной одежде.
(Зерно злака)

Его очень любят, хотя он свиреп.
(Огонь)

Сторож один-одинешенек, а никого на свете
не боится.
(Дверь)

Нет у нее ни рук, ни ног, а носит тяжелые
бревна.
(Вода)

Без воды, без земли, без еды, а все равно
растет.
(Волос)

Как бы ни палило солнце, он не высыхает
и не нагревается.
(Собачий нос)

Оно не говорит, а то, что скажет, никогда
не забудется.
(Перо)

Корней у него нет, резал я его, резал, а он
все равно растет.
(Ноготь)

Спит, когда мы спим; просыпается, когда мы
просыпаемся.
(Солнце)

Глаз нет, а любит животных.
(Рыболовный крючок)

Все от него плачут.
(Дым)

Готовит мама еду, а сама не ест.
(Кастрюля)

Рукоятка одна, а мотыг не сосчитаешь.
(Гроздь бананов)

Я его зову «папа», и он меня зовет «папа».
(Эхо)

Иду к птицам — прогоняют, иду к живот-
ным — не хотят иметь со мной дела.
(Летучая мышь)

Гуляю — он тут как тут, бегаю — он тут
как тут, найду в дом — его как не бывало.
(Тень)

Пушу стрелу днем — летит в даль, а пушу
ночью — далеко не улетает.
(Взгляд)

В детстве у меня был хвостик, а сейчас нет.
(Лягушка)

Я окружен врагами, но они меня не ранят.
(Язык и зубы)

Перевел с языка ссахили
В. Островский